

**«Языковой откат» после «языкового сдвига»:
Факторы легитимации русского языка в Украине во время российско-
украинской войны**

Андрей Краснящих

Введение

Начавшееся 24 февраля 2022 г. полномасштабное вторжение российских войск в Украину стало мощнейшим стимулом для перехода русскоязычных украинцев на украинский язык, поскольку русский язык стал восприниматься как язык врага. Согласно опросу, проведённому социологической группой «Рейтинг» (Rating Group) 19 марта 2022 года, количество общающихся в неофициальной обстановке исключительно на русском уменьшилось до 18% – по сравнению с 26% в конце 2021 года (Rating Group 2022). А результаты аналогичного опроса, проведённого той же группой «Рейтинг» 16–20 августа 2023 г., показали, что количество таких общающихся на русском сократилось за почти полтора года до 9% (Rating Group 2023).

Однако данные соцопроса 14 февраля — 4 марта 2025 г. Киевского международного института социологии (Київський міжнародний інститут соціології, КМІС) зафиксировали обратную тенденцию: количество общающихся по-русски в быту возросло до 13% (КМІС 2025), тогда как опрос в апреле-мае 2025 г. Государственной службой качества образования Украины (Державна служба якості освіти України) совместно с уполномоченным по защите государственного языка выявил, что 66% киевских школьников на уроках общаются на русском языке, а на переменах — 82%, при среднем показателе по всей Украине среди школьников — 40% и 52% соответственно (Уповноважений із захисту державної мови 2025).

29 сентября 2025-го в интервью изданию «РБК-Україна» уполномоченная по защите государственного языка (языковая омбудсменка) Елена Ивановская констатировала «языковой откат» — то, что в последнее время растёт количество украинцев, которые после перехода с русского на украинский в 2022 году снова возвращаются «до старых мовних практик»: «У 2022 році ми всі були насторожі: прислухалися до мовлення кожного, адже російська асоціювалася з агресором. Тоді людям було соромно публічно говорити мовою нападника. Сьогодні ж спрацювала людська психологія звикання до війни» (Копитко 2025). Из этого объяснения омбудсмена можно понять, что русский язык в Украине перестал ассоциироваться с агрессором и сыграл важную роль в нормализации обывденной жизни (то, что

языковой омбудсмен называет «психологією звикання до війни»). Возвращение «до старых мовних практик» рутинизирует, одомашнивает войну, адаптирует её восприятие под знакомые привычные шаблоны довоенной жизни.

Через два месяца, 18 ноября 2025 г., в интервью на «Радио Свобода» Елена Ивановская, характеризуя «відкат українізації» (языковая омбудсменка использует также термин «рерусіфікація»), назвала процент украинцев, вернувшихся впоследствии к общению на русский язык: это 6–7% от перешедших в 2022 г. с русского на украинский язык, — а также добавила к «психології звикання до війни» ещё две причины: «втому від напруги» (постоянного контроля своего языкового поведения) и «вплив російськомовного контенту» (Сисак 2025).

Будучи уполномоченной по защите государственного языка, Елена Ивановская склонна видеть в «языковом откате» «тривожний сигнал» и «небезпечну тенденцію» (Копитко 2025) и в то же время, в очередном интервью спустя ещё полтора месяца — 4 января 2026 года YouTube-каналу «Це Ніхто Не Буде Дивитись» (Антонюк 2026), принимает как данность, что потенциал перехода русскоязычных украинцев на украинский язык исчерпан.

Констатируемый Еленой Ивановской «языковой откат» подтверждают данные новейших, опубликованных в 2026 году, соцопросов. Так исследование социологической группы «Рейтинг» установило, что среди молодёжи (14–35 лет) в семейной обстановке исключительно по-русски говорят 17% украинцев в Украине и 36% украинцев за рубежом (Rating Group 2026).

Постановка проблемы

Процесс «языкового сдвига» — перехода русскоязычных украинцев на украинский язык общения в быту — после начала российско-украинской войны в 2014 г. и особенно после полномасштабного вторжения в 2022 г. зафиксирован наукой, изучен детально и всесторонне. Только за последний год, в 2025–2026-м, вышел ряд научных монографий и сборников, подробно освещающих данный процесс, среди них Шумицька&Круглов 2025, Kiss and Wingender 2025 and Vamling et al 2026; к рассмотрению данного вопроса обращено большинство статей специализированного тематического выпуска журнала *Sociolinguistic Studies* (2025, vol. 19, issue 3–4).

Однако о явлении «языкового отката» к русскому языку перешедших на украинский русскоязычных украинцев в этих изданиях ничего не говорится, и эта проблема, зафиксированная в выступлениях языковой омбудсменки и в новейших соцопросах, остаётся не опредмеченной научно. Возможно, так происходит в силу того, что над социолингвистическими исследованиями языковой ситуации в Украине продолжает тяготеть оптимизм «языкового сдвига» первых лет полномасштабного вторжения, заставляющий видеть в «языковом сдвиге» необратимую тенденцию и прогнозировать перспективу в связи с ней, как это наблюдается, например, в статье Наталии Матвеевой из упомянутого выше сборника под ред. Kiss and Wingender 2025: «To sum it up, we can say confidently that changes are happening in Ukraine now are noticeable. Millions of people began to communicate in the Ukrainian language. The Ukrainian language nowadays has become the marker of the nation, as a result, the level of language self-identification and language awareness of Ukrainians is constantly increasing. The war has united people, particularly in terms of language. Current

sociological data prove the obvious transformation of the language situation of Ukraine and the expansion of the functions of the Ukrainian language. Undoubtedly, such indicators are very optimistic for Ukraine. The war accelerates the processes of Ukrainization of the communicative space, and therefore in the future we can predict the continuation of changes in the language situation of the country in the direction of Ukrainian monolingualism» (Matvejeva 2025, 137).

Методы

Моя статья посвящена выявлению шести факторов, способствующих легитимации русского языка в Украине во время российско-украинской войны, как создающих почву для «языкового отката» — возвращения русскоязычных украинцев на русский после перехода на украинский. Фактор влияния русскоязычного контента определён в выступлении языковой омбудсменки Еленой Ивановской. Фактор русского языка как нероссийского зафиксирован наукой, например, в исследовании Владимира Кулика (Kulyk 2014), а также Яна Патрика Целлера и Дмитрия Сичинавы (Zeller & Sitchinava 2019). Остальные четыре фактора являются результатами моих собственных наблюдений и анализа публикаций в СМИ, постов в социальных медиа и фокусированных интервью, взятых у русскоязычных украинцев, сохраняющих русский как язык бытового общения.

Методологически ценными для выяснения факторов легитимации русского языка в Украине во время российско-украинской войны представляются сформулированные в статьях Владимира Кулика (Kulyk 2024; Kulyk 2026) наблюдения о том, что причинами сохранения русского языка в бытовом общении украинцев являются привычка, языковой комфорт в приватной сфере, нежелание говорить на несовершенном украинском языке и особенно то, что русскоязычные украинцы воспринимают свой русский язык как личную собственность, независимую от России, а также замечание о том, что результаты соцопросов, демонстрирующих «языковой сдвиг», не берут во внимание противоречие между декларируемым из патриотических побуждений и реальным языковым поведением респондентов, сохраняющим в быту русский язык, для чего предлагается сочетать количественные опросы с этнографическими наблюдениями «в поле» и анализом цифрового дискурса, учитывать снижение патриотической самомобилизации перехода на украинский язык вследствие усталости от затянувшейся войны и обращаться не только к публичной сфере, но и к полуприватным пространствам в соцсетях. Хотя Кулик рекомендует такой методологический подход для корректирования результатов оценки «языкового сдвига» и, в отличие от языковой омбудсменки, не принимает явления «языкового отката» (о чём говорит в интервью изданию «LB.ua», см. Негода 2025), именно этот методологический подход я применю в данной статье.

Анализ

Фактор 1. Русский язык у переселенцев

«Языковой откат» касается в первую очередь жителей востока и юга не оккупированной РФ территории Украины (на оккупированной части украинский язык запрещён), где со времён СССР русский язык традиционно используется в общении и был широко распространён в общественных сферах до принятия и

вступления в силу в 2019 г. закона Украины «Про забезпечення функціонування української мови як державної», который установил приоритетность украинского языка в государственных учреждениях, СМИ, образовании, науке, рекламе, услугах и т. д. Однако необходимо учитывать, что после начала полномасштабного вторжения войск РФ в Украину более 6 млн украинцев (по данным на май 2026 г.) стали внутренними переселенцами: переехали из оккупированных и прифронтовых территорий в тыловые области Украины — и привезли туда привычный для своего общения русский язык. Таким образом, явление «языкового отката» охватывает территориально не только восток и юг Украины, а и все её регионы.

Украиноязычные жители западных регионов Украины, куда переехали русскоязычные жители прифронтовых или оккупированных РФ восточно-украинских территорий, постоянно сталкиваются с небывало широким присутствием русского языка в своей повседневной жизни. Приведу примеры из своей документальной книги, где собраны в том числе именно такие не публичные, а приватные свидетельства насчёт языковых практик, на необходимость учёта которых указывает Kulyk 2026:

«Вика: “Львів виглядає втомленим — біля вокзалу затори, багато людей. Багато російськомовних людей”»; «Людочка: “Я вчера покоряла Карпатские горы. Группа была практически харьковская. Ну кто ещё пойдёт в понедельник в 9:00 в Тустань!? Дети открыто “палят” родителей и прародителей, говоря по-русски. Даже не пытаются переходить на украинский гйда. К концу экскурсии она и шофер были единственными, кто говорил по-украински”» (Краснящих 2026, 166).

Толерантное отношение жителей Запада Украины к русскому языку переселенцев, допущение его присутствия на своей территории продиктовано, безусловно, состраданием, которое западные украинцы испытывают к восточным, утратившим из-за войны свой дом и имущество. И таким образом в глазах жителей Запада Украины переселенческий русский язык не равен русскому языку России, к которому они испытывают стойкую неприязнь как к языку страны-агрессора.

Отметим, что эти переселенцы перешли после 2022 г. на украинский язык в публичной сфере, т. е. посчитанные соцопросами как совершившие «языковой сдвиг», но сохранили русский в приватной сфере общения: внутри семьи или коллектива.

Фактор 2. Русский язык как лингва франка у беженцев

Практически столько же, сколько внутренних переселенцев, — украинских беженцев за рубежом: около 5,9 млн; по данным Евростата на конец апреля 2026 года, статусом временной защиты в странах ЕС обладают около 4,37 млн граждан Украины (Eurostat 2026). Необходимо учитывать, что если переселенцы — это исключительно с востока и юга Украины, то беженцы — из всех её регионов, включая западные области, где украинский язык присущ жителям не только в публичном общении, но и в быту. Тем не менее в силу того, что украинским языком в странах ЕС владеют преимущественно только сами украинцы, а русский язык продолжает оставаться языком межнационального общения — и не только в бывших республиках СССР, но и в странах бывшего социалистического лагеря и других странах ЕС, даже беженцам из западных областей Украины приходится переходить в профессиональном общении на русский язык. «В телеграм-канале, в комментариях: “Я из Харькова, сейчас в

Германии, очень много беженцев — из Буковеля, Львова и т.д. Так вот, здесь работают на русскоговорящих и общаются на русском, забыв об украинском» (Краснящих 2026, 26). Свидетельство живущего с 2022 г. в Польше харьковчанина Владислава, в начале полномасштабного вторжения перешедшего с русского языка в общении на украинский: «Сейчас работаю временно в офисе такси, здесь требуют обязательное знание русского — много кавказцев, есть белорусы, русские не признаются, что русские» (Краснящих 2026, 26). «Костя в Швейцарии: “Из двух-трёх десятков украинских беженцев, с которыми я здесь общался, по-украински говорила только одна — турменеджерка из Ивано-Франковска. Все остальные, независимо от локализации в Украине, говорят по-русски и переходить на украинский явно не собираются» (Краснящих 2026, 167). «Вот в Румынии нет русни. А вокруг кацапская речь. Ты понимаешь, что это наши, но никто даже не пытается переходить на украинский» (Краснящих 2026, 167). «Пшемысль полон украинцев. Город-спаситель от русских, Пшемысль говорит по-русски. “Тут есть хоть один русский?” — спрашивает Надя. Откуда им тут быть, Пшемысль на границе с Украиной» (Краснящих 2026, 26). «Украинский в Европе не понимают. Русский сколько-то понимают. И говорят на нём. Таможенницы на границе Латвии и Эстонии обращаются к пассажирам по-русски. Пассажирам приходится отвечать на русском, русский — язык врага, враг их из дома выгнал. Или иначе к нему относиться — не как к языку врага» (Краснящих 2026, 29).

Важно отметить два аспекта. Украинские беженцы, особенно из западных областей Украины, прилегающих к странам ЕС, часто ездят домой в Украину — проводить родственников, побывать в домашней обстановке, и их приемлемое отношение к русскому языку, сформированное за рубежом, накладывается в глазах их украинских родственников на русский язык живущих рядом с ними переселенцев, легитимизируя его таким образом с двух сторон.

Второй аспект использования русского языка украинскими беженцами — в том, что они, в отличие от переселенцев, переходящих на русский в приватной сфере общения, применяют русский язык в публичной и профессиональной сферах, где он им необходим, и следовательно, легитимизируют его для себя гораздо шире, чем украинцы в Украине.

Фактор 3. Русский язык как нероссийский

Объяснением толерантного отношения к русскому языку в Украине во время российско-украинской войны и его легитимации является также то, что русский язык, на котором разговаривают русскоязычные украинцы, они воспринимают не как язык России, а как свой, отдельный вариант русского языка.

Русский язык украинцев отличается от русского языка россиян фонетически, интонационно, фразеологически и лексически: в русском языке украинцев иначе связываются и артикулируются слова, чем в русском россиян. Так, например, исследователи творчества Бориса Слуцкого, выросшего в 1920–30-х годах в украинской среде в Харькове, а после Второй мировой войны перевернувшего просодию всей русской поэзии (литературными учениками Слуцкого являются Иосиф Бродский, Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский и мн. др.) отмечают: «Немалую роль в поэзии Бориса Слуцкого сыграло то обстоятельство, что стихи,

написанные на украинском языке, были для него так же привычны, как и русские. Тоническая украинская и польская система стиха была для него так же близка, как и силлабо-тоническая русская. У него на слуху были и ямб, и хорей, и трёхстопные размеры, но так же естественен для него был и ритм стихов Шевченко. Многочисленные упрёки в корявости, неблагозвучии стихов Слуцкого были связаны с тем, что он вносил в русский стих начала иной поэтической системы. Когда Анна Ахматова говорила о “жестяных” стихах Бориса Слуцкого, она имела в виду и это непривычное звучание стиха. Оно же привлекало к Борису Слуцкому знатоков и специалистов-стиховедов, с первой его книжки почувствовавших новое явление в русском стихе» (Горелик, Елисеев 2009, 35). У самого же Бориса Слуцкого, много рефлексировавшего в своих стихах об их поэтике, в стихотворении «Ударения» говорится:

«В Харькове Волга русского языка
смешивает свои широкие воды
с Днепром украинского языка.
В Харькове русские слова
выговариваются по-украински» (см. Краснящих 2020, 151).

Украинцы в странах ЕС, сталкиваясь с русским языком россиян, чётко ощущают его фонетическую инаковость от привычного им русского языка украинцев. Так поступивший в 2022 году в немецкий вуз и живущий в Германии харьковчанин Иван говорит: «Мамина подруга обиделась на неё и наорала, когда мама отказалась общаться с русской старушкой. <...> При этом разговариваем на русском, но это как бы другой русский. И с русскими сразу переходим на украинский, английский, немецкий» (Краснящих 2026, 27). И то же самое замечает работающая в норвежском вузе филолог Александра: «Я слышала в Познани (была неделю на конференции) только украинский русский, русского русского не слышала, как и украинского украинского. А вот в Гданьске — пожалуйста, русского русского полно. И в Норвегии много, я внутренне сжимаюсь от этого» (Краснящих 2026, 28). Проведший три месяца в конце 2025-го — начале 2026 г. в разных странах Европы филолог Олег рассказывает: «Сталкивался с русскими, говорящими на кацапском, и украинцами, говорящими на украинском и русском — в Польше, Нидерландах, Швейцарии. Понимал, что это россияне — в основном традиционно, по произношению».

Как можно увидеть, русскоязычные украинцы настолько категоричны в утверждении разницы между своим русским языком и языком РФ, что дают им разные определения: «другой русский», «украинский русский» — в отличие от «русского русского», «кацапского».

Фактор 4. Потребление русскоязычного контента

«Вплив російськомовного контенту», указанный языковой омбудсменкой Еленой Ивановской как одна из причин «языкового отката» в интервью на «Радио Свобода» 18 ноября 2025 г. (Сисак 2025), подтверждают социсследования 2026 г. 21 апреля 2026 г. вице-премьер-министерка по гуманитарной политике и министерка культуры Украины Татьяна Бережная представила результаты соцопроса, проведённого исследовательской компанией «Gradus» по заказу Министерства культуры Украины (Міністерство культури України), которые выявили, что «на п'ятому році

повномасштабної війни 71% українців регулярно споживає російськомовний контент. А майже чверть з них роблять це щодня» (Интерфакс-Україна 2026). Социсследование установило, підтвернула міністерка, «що люди не роблять це через ідеологічні переконання чи через якісь погляди. Вони роблять це за звичкою, та російський контент є в доступі і його багато» (Интерфакс-Україна 2026). Однак причини потреблення русскоязычного контента українцями не тільки в привычке и его доступности: социсследование выявило, что при выборе контента решающим становится не языковой фактор, а качество контента и современный формат подачи (Освіторія 2026).

Фактор 5. Русскоязычные версии ведущих украинских изданий

Под «російськомовним контентом» и Елена Ивановская, и Татьяна Бережная имеют в виду российский контент. Міністерка говорить: «Якщо ми проаналізуємо, що слухають українці в Apple Music, то теж, на жаль, побачимо там російських виконавців. Платформи працюють за алгоритмами: TikTok, Instagram, YouTube дає нам той контент, який ми споживаємо» (Освіторія 2026).

В то же время с российским контентом на поле русского языка конкурирует украинский русскоязычный контент. Наиболее авторитетные и рейтинговые украинские СМИ, такие как «Украинская правда», «NV», «Liga.net», «Дзеркало тижня», «Цензор.НЕТ», «ТСН», «24 Канал», «РБК-Україна», «Obozrevatel», «Фокус», «Бабель» и многие другие, имеют, кроме украиноязычной, русскоязычную версию своего издания, чтобы шире охватить аудиторию и привлечь в неё русскоязычных читателей других стран.

И если российский контент, как замечает Татьяна Бережная, «дуже часто просуває пропаганду, знецінює українську ідентичність і нормалізує агресію» (Интерфакс-Україна 2026), украинский русскоязычный контент, наоборот, противостоит российской пропаганде, демонстрирует российской и русскоязычной аудитории других стран украинское видение событий.

Хочу указать, что по моему мнению, данный фактор, частично совпадая с фактором 2 — русского языка как лингва франка у беженцев — всё же существенно от него отличается, поскольку русскоязычные версии украинских изданий используют русский язык как язык противника и во вполне конкретных целях информационной защиты и антипропаганды — донести украинскую точку зрения на происходящее не владеющей украинским языком русскоязычной, преимущественно российской аудитории, т. е. чтобы говорить с противником на его языке. Однако одновременно с тем уже самым наличием русскоязычной версии эти издания легитимизируют присутствие русского языка в украинском публичном пространстве, давая возможность и украинской аудитории потреблять контент на русском языке.

Украинский читатель таких изданий может выбирать между русским и украинским языками, не относясь к русскому языку как к чужому, языку враждебной страны, поскольку сама позиция издания и его авторов, выраженная в публикациях, — своя, украинская, вызывающая доверие.

Данный фактор мне представляется одним из ключевых в «языковом откате», и этот фактор совершенно не учтён ни в заявлениях официальных лиц, отвечающих за

защиту украинского языка, ни в соцопросах, ни в социолингвистических исследованиях.

Фактор 6. Языковой скандал с Ириной Фарион

Данный фактор, по моему убеждению, является наиболее существенным в легитимации русского языка в Украине во время российско-украинской войны. Точно так же, как предыдущий, он абсолютно не учтён соцопросами и социолингвистическими исследованиями, рассматривающими динамику языковых практик военного времени в Украине.

Языковой скандал с Ириной Фарион произошёл в ноябре 2023 года, т.е. непосредственно вскоре после публикации соцопроса группы «Рейтинг», зарегистрировавшего тогдашний максимум перехода русскоязычных украинцев на украинский язык (Rating Group 2023). Этот скандал вызвал мощный общественный резонанс, результатом которого стало всеобщее переосмысление статуса русского языка в Украине с «языка агрессора», характерного для социальных настроений «языкового сдвига» 2022–2023 гг., на статус полноправного бытового языка общения русскоязычных украинцев. Решающую роль в переосмыслении статуса русского языка сыграли выступления в СМИ и социальных медиа представителей украинской армии — институции, обладающей наибольшим авторитетом среди населения в воюющей стране. Это было первым массовым выступлением украинских военных в публичном поле в защиту использования русского языка в быту.

4 ноября 2023 г. в телепередаче «5 канала» «Рандеву с Яниной Соколовой» политическая и общественная деятельница, народная депутатка Украины в 2012–2014 гг., языковедка, докторка филологических наук, профессорка Национального университета «Львовская политехника» Ирина Фарион, общеизвестная своими радикальными взглядами в отстаивании украинского языка (чьи медийные выступления и посты в Facebook уже много раз вызывали бурную общественную реакцию), сказала в отношении русскоязычных украинских военных: «Я не можу назвати їх українцями. Якщо вони не говорять українською мовою — то нехай себе назвуть “руськімі”. <...> Ну що це за бздур — воювати в українській армії і говорити російською мовою?» (Рандеву з Яніною Соколовою 2023). Это вызвало колоссальную волну возмущения как в самом обществе, так и со стороны военных. Рядовые бойцы и командиры, медийно известные и нет, украиноязычные и русскоязычные, выражали негодование в интервью и своих паблицах в социальных медиа. СМИ перепечатывали их посты, усиливая резонанс. Ниже я даю выборку из интервью в СМИ и постов в социальных медиа с реакцией украинских военных на высказывание Ирины Фарион. Поиск был осуществлён в наиболее рейтинговых и посещаемых украинских онлайн-медиа, републиковавших посты украинских военных в социальных медиа. Критериями отбора в первой части выборки стали известность и авторитетность военного, а во второй — критерий русскоязычности.

Начальник штаба 12 бригады специального назначения «Азов» Богдан Кротевич в интервью назвал Ирину Фарион «посібницею російської пропаганди», акцентировав, что «Позиція більшості особового складу “Азова” — треба переходити на українську мову. Чи спілкуємося ми російською? Так, спілкуємося. Тому що в армії потрібно швидко приймати рішення і не можеш дозволити собі перекладати. Для переходу на

українську мову потрібен спокій. У нас такого стану зараз немає» (Наталія Мосейчук 2023).

Аналогічно – «пропагандисткой», продвигающей «московські наративи про два сорти українців», назвав Ірину Фарион в пості на своїй сторінці в Facebook основатель и командир спецподразделения «Химера» Главного управления разведки Министерства обороны Украины Александр Капшин (2023), написав: «Горезвісна Фарион пробила чергове дно. Їй все одно на те, що ми ще не виграли війну, що зараз головне єдність суспільства перед зимою. Але вона продовжує займатись улюбленою справою — ділить українців на різні сорти. Сьогодні вона обізвала всіх військових, які ще не перейшли на українську, “шаленим збродом”. І заявила, що АЗОВці не українці, якщо вони не розмовляють українською».

Екс-командир полка «Азов», заместитель командира 3-й отдельной штурмовой бригады Максим Жорин в поддержку русскоязычных бойцов ВСУ в своєму украиноязычном телеграм-канале впервые опубликовал пост на русском языке: «Увага! Перший пост російською на цьому каналі! Спеціально для Ірини Фарион. Нікто тебе не давав права откривать рот в сторону бойцов Азова, Третьей штурмовой или любого другого подразделения украинской армии», — и в постскриптуме к нему, как и Кротевич и Капшин, указал, что Фарион «розколює українське суспільство за фбшними методичками» (Жорин 2023).

Таку ж оцінку позиції Фарион дала ще одна лідерка мнень, парамедик-доброволець Национальной гвардии Украины, защитница «Азовстали» Екатерина Полищук («Пташка»), написав в Instagram: «Ваша позиція не проукраїнська, і я вважаю вас проектом кремля. Ви — ворог, що просуває отруйні гідкі наративи. <...> Це говорить вам та, яка в полоні розмовляла Українською» — и подчеркнул, что защищает Украину «три роки пліч-о-пліч з Героями які розмовляють українською, російською, грузинською, білоруською, польською, десятками діалектів, англійською та десятком інших мов та говірок» (ptashka_from_azovstal 2023).

Актёр Павел Алдошин, вступивший в ВСУ в начале полномасштабного вторжения российских войск в Украину, выложил в Instagram видео с обращением к Фарион: «Щодо мови у війську. <...> Ганьба цивільним людям, які піднімають це питання. Жіночко, яка дуже грамотно знає українську мову, сидить у Львові і п'є з філіжанки свою каву, я вас прошу – стуліть писок і залиште українську мову у війську виключно військовим. <...> Хлопці з “Азова”, з інших підрозділів кожного дня доводять свій патріотизм втраченими кінцівками і кров'ю. Смачної кави!» (paldoshyn 2023).

Несмотря на такую реакцию военных, через день после интервью, 6 ноября 2023 г., Фарион написала в своём Telegram-канале: «Бидломаса має припадок від моєї правди про ухилиянтів та москворотих биків, що ганьблять ЗСУ. Граждане досі не вивчили, що мова ЗСУ — українська, ст. 29. Дякую всім ненависникам. Ви сміття, яке вигребемо з країни неминуче» (Ірина Фарион 2023), — и в последующие дни публиковала в своём Telegram-канале аналогічные посты.

Характерно, что незадолго до телепередачи «Рандеву с Яниной Соколовой», где гостила Фарион, на «24 Канале» вышло интервью с другим общественным активистом, так же, как она, отстаивающим переход с русского на украинский язык в

Украине, — писателем, музыкантом, экоактивистом, участником Революции Достоинства и военным — командиром отделения 68-й отдельной егерской бригады имени Олексы Довбуша Павлом Вышебабой, который, до 2014 г. будучи русскоязычным, принципиально перешёл в бытовом общении на украинский язык. В этом интервью он рассказал, что украинский язык как маркер украинскости на фронте уже не работает, поскольку противник в переговорах по рации, чтобы ввести в заблуждение бойцов ВСУ, стал использовать украинский язык, и если в начале полномасштабного вторжения украиноязычного врага на фронте невозможно было встретить, то «Зараз вже такі є, бо вони розуміють: для нас мова є маркером, тому і взяли нашу зброю собі на озброєння. Ми натомість вже не так довірливо ставимося навіть до тих, хто говорить українською. Адже це також може бути ворог, завербований і навчений українською» (Волошин 2023). Отстаивая принципиальную позицию, согласно которой украинцы в Украине должны говорить по-украински и в быту, Павел Вышебаба делает в этом исключение для военных на передовой, приводя те же аргументы, что и Богдан Кротевич, а именно: «Військовослужбовці насамперед мають ефективно виконувати свої завдання. Якщо в них проблеми з мовою чи якщо їм складно спілкуватися українською, то ніхто не буде їх за це носом тикати. Спілкуйтеся іншою мовою. <...> Є один критерій — ефективність, тобто те, як ти швидко передаєш інформацію. Якщо ти не здатен швидко говорити українською, а можеш передати інформацію російською, то говори російською, адже інформація може бути надзвичайно важливою. Якщо ти не можеш бути ефективним українською, а це дуже важливо для військового, — бо, наприклад, не знаєш термінології, то говори як хочеш, аби лиш добре виконував свою роботу і передавав потрібну інформацію якнайшвидше» (Волошин 2023).

Отдельного внимания заслуживает реакция русскоязычных украинских военных на обвинения Фарион. В их ответе прозвучал призыв к обществу выступить в поддержку русскоязычных военных — или заменить их на передовой украиноязычными. Издание «ТСН» приводит слова из видео в TikTok бойца ВСУ: «Госпожа Фарион, я обращаюсь к вам. Я гражданин Украины, военнослужащий Украины. По вашим словам, я не достоин служить в лавах ВСУ. По вашим словам, я — русскоязычный, не достоин жить в Украине, среди украинцев. Я прошу освободить меня от воинской должности и забрать меня отсюда <...>. Откройте границы и я выеду с этой территории. По вашим словам, все русскоязычные не имеют ни морального права ни физического права жить в Украине. По вашим словам, все русскоязычные не имеют права защищать Украину... Идите собирайте украиномошных и идите сюда — в окопы. Welcome в окопы. И ройте здесь эти окопы и воюйте. <...> Идите собирайте... руки и ноги пацанов. Перебинтовуйте пацанов. Если вы такая патриотка Украины. Вышиваночку только умеете одевать» (Денькович 2023).

Издание «Об'єктив» приводит слова ещё одного бойца ВСУ из его Telegram-канала «Піхотинець Хижак»: «<...> на каком этапе моей жизни меня выгонят из страны за то, что я русскоязычный Украинец? Потому что такое впечатление, что всё к этому идёт, в ближайшем будущем людям не будет важно, воевал ты где-то или дома сидел, не говоришь по-украински = живи где-то за границей» (Яковенко 2023). То же самое написала в своём Telegram-канале 93 бригада «Холодний Яр»: «Либо однажды

российскомоновные бойцы просто реально уйдут с фронта», — эмоционально высказав: «Вы хер где найдёте в ВСУ чистое украиномоновное подразделение, ни разу в жизни не пользовавшееся российской — зато вы найдёте дохера полностью российскомоновных подразделений, не владеющих украинскою! И они, как правило, находятся в самом замесе!!!» (93 бригада «Холодный Яр» 2023).

Спустя девять дней после языкового скандала с Ириной Фарион на него наложился новый: 8 ноября она в своём Telegram-канале опубликовала, не скрыв его личные данные, письмо выразившего ей поддержку студента из оккупированного Севастополя, из-за чего 13 ноября студента задержали российские спецслужбы и заставили публично извиняться на камеру (Лукашевская 2023).

14 ноября 2023 г. во Львове студенты вышли на митинг с требованием уволить Фарион из национального университета «Львовская политехника». На следующий день руководство университета приняло решение об увольнении Ирины Фарион из «Львовской политехники», а Служба безопасности Украины возбудила уголовное производство по нескольким статьям Уголовного кодекса Украины: нарушение равноправия граждан, оскорбление чести и достоинства военнослужащих, а также нарушение тайны переписки и вмешательство в личную жизнь. Министр образования и науки Украины Оксен Лисовой, который и сам был военным (в начале полномасштабного российского вторжения в Украину он добровольцем пошёл на фронт и воевал в составе 95-й отдельной десантно-штурмовой бригады), на своей странице в Facebook написал: «Позиція міністерства незмінна — людям, які не розділяють цінності гідності та не відчують поваги до воїнів, немає місця в системі освіти. Сподіваюсь, СБУ у межах відкритого кримінального провадження дасть справедливу оцінку висловам та діям вже колишньої викладачки Львівської політехніки» (Лісовий 2023).

Именно языковой скандал с Фарион видится мне главным фактором «языкового отката»: если до него русскоязычные украинцы смущались своих «старих мовних практик» на фоне массового перехода на украинский язык, поскольку в обществе превалировало представление о русском языке как языке врага, то после того как украинские военные и вместе с ними многие медийные личности публично выступили в осуждение Фарион и в защиту использования русского языка в ВСУ, русскоязычные украинцы ощутили своё право на общение по-русски в повседневной обстановке, и русский язык в общественном восприятии изменил отношение к себе от «языка врага» к полноправному языку украинских военных на передовой, а военный на фронте как защитник обладает наибольшим авторитетом среди населения подвергающейся военной агрессии страны.

В интервью «Украинской правде» 1 октября 2024 г. филолог и публицист, доброволец-военный, с первого дня полномасштабного вторжения находящийся на передовой, Андрей Кириченко называет такое положение дел с использованием русского языка как бытового, а украинского как официального в армии — «общественным договором»: «В армии такой проблемы нет. Разговорные — украинский, русский, разные виды суржика, армяне или узбеки — между собой. Весь офицюз украинский. Своеобразный общественный договор» (Краснящих 2024).

После языкового скандала с Фарион практика языкового общественного договора, бытовавшая в армии, была перенесена и распространена и на повседневность тыловой жизни.

Вызванный Фарион языковой скандал через месяц утратил медийность, а 19 июля 2024 г. она была застрелена около своего дома во Львове. Ответственность за её убийство взяла на себя российская неонацистская организация «National Socialism / White Power (NS/WP)». И хотя трагическая смерть Фарион изменила к ней отношение в обществе как к мученице за украинский язык (во Львове и Ивано-Франковске были переименованы улицы в её честь, появились мемориальные таблички на доме, где она жила, и на школе, в которой училась, а в Киеве возникла гражданская инициатива за установление ей памятника), перенесённый из армии в тыловую повседневность языковой общественный договор остаётся неизменным и воспринимается как норма жизни: общающиеся на русском языке украинцы не испытывают дискриминации и не ощущают себя обособленными в среде общающихся на украинском языке. Общераспространённая практика в публичном пространстве (на улицах, в транспорте, в магазинах) при возникающем общении с незнакомым человеком — отвечать ему на том языке, на котором он к тебе обратился, будь то украинский язык или русский. Это вошло в норму, воспринимается как правило приличия и тоже является «общественным договором».

Заключение

Поскольку моя статья — одно из первых исследований «языкового отката» и факторов легитимации русского языка в Украине во время российско-украинской войны, выявленными шестью факторами анализ может не исчерпываться. Факторов и подфакторов будет выявлено больше, если проблема «языкового отката» получит более обширное научное изучение, а её социолингвистическая важность мне представляется безусловной. Особенно перспективным для исследования мне представляется третий фактор (отношение к русскому языку у украинцев как к нероссийскому), лишь очерченный в моей статье. Факторы первый и второй (русский язык переселенцев и русский язык как лингва франка украинских беженцев) должны стать предметом целенаправленных соцопросов, которые конкретизируют и детализируют мои наблюдения. Данные соцопросов непременно должны быть дополнены в социсследованиях анализом высказываний по данной проблеме в социальных медиа, частных и полуприватных сферах, на что указывал Владимир Кулик и чьи методологические рекомендации оказались чрезвычайно полезными для диагностики «языкового отката».

Литература

- 93 бригада «Холодний Яр» | ОБРАТНАЯ СТОРОНА. (2023). Мовний скандал — это самоуничтожение. Telegram. <https://t.me/s/holodniyyar?before=4208>
- Антонюк, Е. (2026). Олена Івановська | | Уповноважена із захисту державної мови. *Це Ніхто Не Буде Дивитись*. https://www.youtube.com/watch?v=ffvL_Dt0Dl8
- Волошин, М. (2023). Люди, які кажуть, що мова не має значення, підігрують ворогу, — інтерв'ю з Павлом Вищебабою. *24 канал*. https://24tv.ua/education/chomu-ukrayintsyam-ne-potribna-rosiyska-mova-yak-pereyti-ukrayinsku_n2419777#1

- Горелик, П., Елисеєв, Н. (2009). *«По теченью и против течения...» (Борис Слуцкий: жизнь и творчество)*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Денькович, Я. (2023). «Если вы такая патриотка — идите воевать»: Военный жёстко ответил Фарион после её упреков о языке. *ТСН*. https://tsn.ua/ru/ukrayina/esli-vy-takaya-patriotka-idite-voevat-voennyu-zhestko-otvetil-farion-posle-ee-uprekov-o-yazyke-2445247.html?utm_medium=referral&utm_source=idealmedia&utm_campaign=tsn.ua&utm_term=1297448&utm_content=10690711
- Жорін /// Третій армійський корпус. (2023). *Telegram*. <https://t.me/MaksymZhorin/4819>
- Інтерфакс-Україна. Бережна: 71% українців регулярно споживають російськомовний контент. *Interfax.com.ua*, https://interfax.com.ua/news/general/1161165.html?fbclid=IwY2xjawRUqhZleHRuA2FlbQIxMABicmlkETFDV05pa21TUVpvT1ZIVDRqc3J0YwZhcHBfaWQQMjIyMDM5MTc4ODIwMDg5MgABHookTsQ2oMtaHozGAgmn5aRtz2stelenPYJWjuJJzYFc5g_YqXom-56LsxjY_aem_yUuU_KpByeDE871Fn5pimw
- Ірина Фарион. (2023). *Telegram*. <https://t.me/irynadmytrivna/15844>
- Капшин, О. (2023). Медведчук у спідниці. *Facebook*. https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=302673502708764&id=100088983506086
- КМІС. (2025). Ставлення до викладання російської мови в українськомовних школах. <https://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=1513&page=1>
- Копитко, В. (2025). Коли Spotify чи YouTube видає російське — це не вибір, а маніпуляція: мовний омбудсмен. *РБК-Україна*. <https://www.rbc.ua/rus/news/koli-spotify-chi-youtube-vidae-rosiyske-tse-1758882413.html>
- Краснящих, А. (2020). *Писатели в Харькове. Слуцкий*. Харьков: Права человека.
- Краснящих, А. (2024). «Ни Спарта, ни Первая мировая, ни Руина. Здесь другое». Стрелок с позывным «Историк» о том, как нас (не) изменила война. *Украинская правда*. <https://www.pravda.com.ua/rus/articles/2024/10/01/7477546/>
- Краснящих, А. (2026). *Всё ещё горит*. Нью-Йорк: Freedom Letters.
- Лісовий, О. (2023). *Facebook*. <https://www.facebook.com/oksenlisovyi/posts/pfbid0B9a23mjBvJMTuN5J5h4jZYCBv4tPDhZEgFUVsULMfVyDBhtKBtuKMaykT81rcPbil>
- Лукашевская, А. (2023). Фарион подставила поддержавшего её парня из Крыма: К нему пришла ФСБ. *24 канал*. https://24tv.ua/ru/farion-podstavila-studenta-iz-kryma-ne-skryla-ego-imeni-24-kanal_n2430937
- Мосейчук, Н. (2023). У мене телефон червоний від наказів Зеленського. Наталія Мосейчук — Богдан «Тавр» Кротевиц. *YouTube*. <https://www.youtube.com/watch?v=0eFczMKe1RY>
- Негода, Т. (2025). Володимир Кулик, експерт з мовної політики: «У дорослих відкату в переході з російської на українську немає, з дітьми гірше». *LB.ua*. https://lb.ua/society/2025/11/27/708823_volodimir_kulik_ekspert_z.html
- Освіторія (2026). 71% українців і надалі споживають російськомовний контент, підлітків приваблює форма подачі: дослідження Мінкульту.

- <https://osvitoria.media/news/71-ukrayintsiv-i-nadali-spozhyvayut-rosijskomovnyi-kontent-pidlitkiv-pryvablyuye-forma-podachi-doslidzhennya-minkultu/>
- Рандеву з Яніною Соколовою. (2023). Їдьте до Москви на танку! Фарион знову жорстко «наїхала» на російськомовних. *5 канал*.
- <https://www.youtube.com/watch?v=gRmw5TRsmus>
- Сисак, І. (2025). Російська у школах, відкат українізації, мовні штрафи, Telegram: інтерв'ю з мовною обмудсменкою. *Радіо Свобода*.
- https://www.youtube.com/watch?v=lfX_oE3Ke8A&t=1s
- Уповноважений із захисту державної мови. (2025). В Києві загрозлива ситуація з дотриманням мовного закону в школах, — Сергій Сиротенко. <https://mova-ombudsman.gov.ua/news/v-kyievi-zahrozlyva-sytuatsiia-z-dotrymanniam-movnoho-zakonu-v-shkolakh-serhii-syrotenko>
- Шумицька Г.О., Круглов А.О. (ред.) (2025), *Мови та культури під час війни: Колективна монографія*. Ужгород: РІК-У.
- Яковенко, В. (2023). «Думаю, она сошла с ума» — воин из Харькова также высказался о Фарион. *Об'єктив*.
- <https://www.objectiv.tv/objectively/2023/11/08/dumayu-ona-soshla-s-uma-voin-iz-harkova-takzhe-vyskazalsya-o-farion/>
- Eurostat (2026). 4.37 million under temporary protection in April 2026. <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/w/ddn-20260610-1>
- Kiss, N., and Wingender, M. (Eds) (2025), *Contested Language Diversity in Wartime Ukraine: National Minorities, Language Biographies, and Linguistic Landscape*. Hannover: Ibidem.
- Kulyk, V. (2014). What is Russian in Ukraine? Popular beliefs regarding the social roles of the language. In Ryazanova-Clarke, 117–140.
- Kulyk, V. (2024). Language shift in time of war: The abandonment of Russian in Ukraine. *Post-Soviet Affairs*, 40:3, 159–174.
- Kulyk, V. (2026). Studying language shift: Research on language practices and attitudes in wartime Ukraine. *Post-Soviet Affairs*, 42:2, 131–139.
- Matvejeva, N. (2025). Changes in language and national consciousness of Ukrainians in the period of Russia's full-scale war in Ukraine. In Kiss and Wingender, pp. 119–139.
- Mustajoki, A., Protassova, E., and Yelenevskaya, M. (Eds) (2019). *The Soft Power of the Russian Language: Pluricentricity, Politics and Policies*. Abingdon/New York: Routledge.
- paldoshyn. (2023). *Instagram*. https://www.instagram.com/reel/CzVkMK0Ni98/?utm_source=ig_web_copy_link&igshid=MzRlODBiNWFlZA%3D%3D
- ptashka_from_azovstal. (2023). *Instagram*. <https://www.instagram.com/p/CzT56yYoNiL/>
- Rating Group. (2022). Шосте загальнонаціональне опитування: мовне питання в Україні (19 березня 2022). <https://www.ratinggroup.ua/news/language-issue-in-ukraine-march-19th-2022>
- Rating Group. (2023). Соціологічне дослідження до Дня Незалежності: уявлення про патріотизм та майбутнє України (16–20 серпня 2023). <https://www.ratinggroup.ua/news/soc-olog-chne-dosl-dzhennya-do-dnya-nezalezhno->

uyavlennya-pro-patr-otizm-ta-maybutn-ukra-ni-16-20-se

Rating Group. (2026). Вплив війни на молодь в Україні. Загальнонаціональне дослідження. Аналітичний звіт за 2025 рік.

https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2026-03/impact_of_war_on_youth_in_ukraine_2025.pdf

Ryazanova-Clarke, L. (Ed.) (2014), *The Russian Language outside the Nation: Speakers and Identities*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Vamling, K. et al (Eds) (2026), *Languages in Conflict and War: Ukraine, the Caucasus, and the Baltics*. Cham: Palgrave Macmillan.

Zeller, J. P., & Sitchinava, D. (2019). The Russian language in Belarus and Ukraine. In Mustajoki, Protassova and Yelenevskaya, 108–122.

Андрей Краснящих

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина,

Харьков, Украина

krasniashchykh@karazin.ua